

Учитель русского.

Дмитрий Лихачев о языке, культуре, искусстве, природе и интеллигенции книги

/Елена Яковлева, Наталья Коныгина, Наталья Лебедева, Павел Басинский // Российская газета.-2006.- 28 нояб.(№267)

2006 год Указом президента Российской Федерации объявлен Годом академика Д.С. Лихачева. В ознаменование юбилея великого гуманиста вышли в свет новые книги Дмитрия Лихачева, которые мы рекомендуем нашим читателям.

Первая, под названием "Заветное", выпущена издательским, образовательным и культурным центром "Детство. Отрочество. Юность" Российского детского фонда. Ее редактор-составитель известный писатель, председатель РФФ, академик РАО Альберт Лиханов. Это прекрасно иллюстрированное издание - сборник коротких эссе, философских стихотворений в прозе, размышлений и отдельных записей Дмитрия Сергеевича Лихачева о векторах духовных исканий, о нравственных ценностях, к которым нужно стремиться каждому молодому человеку. Тексты сопровождаются учебно-методическими рекомендациями для педагогов с учетом возраста детей и помогут учителю полноценно провести "Урок Лихачева".

Вторая книга - "Избранные труды по русской и мировой культуре" - издана Санкт-Петербургским гуманитарным университетом профсоюзов, первым почетным академиком которого был Дмитрий Сергеевич. Это научное издание обобщающих статей Дмитрия Сергеевича Лихачева, где он размышляет о природе искусства, о смысле культуры, о русском языке и проблеме интеллигенции. В книгу включен один из последних "заветных" трудов Лихачева "Декларация прав культуры". Ее окончательный вариант разработан коллективом ученых СПбГУП под научным руководством Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Предлагаем вниманию читателей наиболее актуальные мысли Дмитрия Лихачева:

"Первобытные люди рисовали бизона с таким необыкновенным умением, как будто и прогресса в искусстве нет! Да, умение поразительное. Но ведь только бизон, только дикий бык, пещерный медведь. Для того чтобы изобразить цель охоты? Но тогда почему нет уток, гусей, перепелов? Ведь на них тоже охотились? Почему нет проса, репы, а ведь их сеяли?

И вот мне представляется, что изображалось в пещерах, прежде всего то, чего боялись, что могло нанести смертельный вред. Человек рисовал то, что его страшило. Он нейтрализовал окружающий мир в том, что несло ему опасность.

Отсюда родилось искусство...

Спросят: как же - искусство призвано "успокаивать"? Нет, конечно... Искусство призвано бороться с хаосом, часто путем обнаружения, разоблачения этого хаоса, демонстрации его. Всякое обнаружение хаоса есть в какой-то мере внесение в него упорядоченности. Обнаружить хаос уже означает внести в хаос элементы системы".

"У природы есть своя культура. Хаос вовсе не естественное состояние природы. Напротив, хаос (если только он вообще существует) - состояние природы противоестественное.

В чем же выражается культура природы? Будем говорить о живой природе. Прежде всего, она живет обществом, сообществом. Существуют "растительные ассоциации": деревья живут не вперемешку, а известные породы совмещаются с другими, но далеко не со всеми. Сосны, например, имеют соседями определенные лишайники, мхи, грибы, кусты и т.д. Это знает каждый грибник... Под покровом ольхи растет сосна. Сосна вырастает, и тогда отмирает сделавшая свое дело ольха...

Природа по-своему "социальна". "Социальность" ее еще и в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот в свою очередь социален и интеллектуален сам, бережет ее, не наносит ей непоправимого ущерба, не вырубает лесов под корень, не засоряет рек..."

"У Земли, у Вселенной есть своя скорбь, свое горе. Но плачет Земля не слезами - пьяницами, уродами, недоразвитыми детьми, неухоженными, покинутыми стариками, калеками, больными... И еще плачет она без толку вырубленными лесами, обвалами берегов в переполненных слезами Земли водохранилищах, затопленными угодьями, лугами, переставшими лелеять на себе стада и служить человеку сенокосами, асфальтовыми дворами с вонючими баками, между которыми играют дети".

"... богатство языка определяется не только богатством "словарного запаса" и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителями которой является язык человека и его нации..."

Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации".

"Истинный патриотизм - это первая ступень к действенному интернационализму. Когда я хочу себе представить истинный интернационализм, я воображаю себя смотрящим на нашу Землю из мирового пространства. Крошечная планета, на которой мы все живем, бесконечно дорогая нам и такая одинокая среди галактик, отделенных друг от друга миллионами световых лет!..."

"Человек - существо нравственно оседлое, даже и тот, кто был кочевником, для него тоже существовала "оседлость" в просторах его привольных кочевий. Только безнравственный человек не обладает оседлостью и способен убивать оседлость в других..."

Подлинно новая ценность возникает в старой культурной среде. Новое ново только относительно старого, как ребенок - по отношению к своим

родителям. Нового самого по себе как самодовлеющего явления не существует".

"Культура, в конечном счете - цель, а не средство, не условие, не благоприятствующая среда. Природа миллиарды лет совершенствовалась сама себя и, наконец, создала человека. Человек создан с огромными, до конца не использованными творческими возможностями. Для чего все это? Для того, очевидно, чтобы человек не прекратил собой это развитие, не замкнул на себе то, к чему природа стремилась миллиарды лет, а продолжил это развитие. Конечно, продолжение - это не создание еще более совершенного организма, а использование тех возможностей, которые уже есть в человеке, для создания произведений высочайшей культуры".

"У нас в стране до сих пор нет концепции культуры и культурного развития. Большинство людей (в том числе и "государственных мужей") понимают под культурой весьма ограниченный круг явлений: театр, музеи, эстраду, музыку, литературу, иногда даже не включая в понятие культуры науку, технику, образование... Вот и получается зачастую так, что явления, которые относятся к культуре, рассматриваются в изоляции друг от друга: свои проблемы у театра, свои - у писательских организаций, свои - у филармонии и музеев и т. д.

Между тем культура - это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения - народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства.

Культура - это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации".

"Миссия России определяется ее положением среди других народов тем, что в ее составе объединилось до трехсот народов - больших, великих и малочисленных, требовавших защиты. Культура России сложилась в условиях этой многонациональности. Россия служила гигантским мостом между народами. Мостом, прежде всего культурным. И это нам необходимо осознать, ибо мост этот, облегчая общение, облегчает одновременно и вражду, злоупотребления государственной властью".

"Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка. Если он меняет убеждения по соображениям выгоды - это высшая безнравственность. Если интеллигентный человек по размышлению приходит к другим мыслям, чувствуя свою неправоту, особенно в вопросах, связанных с моралью, - это его не может уронить...

Совость не только ангел-хранитель человеческой чести - это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной".

"Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность - созданием нового и

осознанием старого как нового. Больше того... Лишите человека всех его знаний, образованности, лишите его самой памяти, но если при всем этом он сохранит восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, вкус в искусстве, уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов и богатство и точность своего языка - разговорного и письменного, - вот это и будет интеллигентность".

МНЕНИЕ

Все ли так мрачно, Дмитрий Сергеевич?

Дмитрий Лихачев - не только культурная и научная вершина своей эпохи, но и человек, на которого мы привыкли ссылаться как на последний бесспорный гражданский авторитет для людей самых разных позиций и точек зрения. Социологи констатируют дефицит авторитетных фигур в современном российском обществе. Об этом наш разговор.

Лев Аннинский, литературный критик и публицист:

- Как-то, выступая, кажется, в Останкино, Дмитрий Лихачев спрашивал: "Можно ли притвориться знающим человеком?" И сам отвечал на свой вопрос: "Да, можно. Надо лишь запомнить некоторое количество фактов". "Можно ли притвориться умным человеком?" - спросил он далее. И, подумав, ответил: "Да, можно, запомнив некоторое количество связей между фактами". Наконец, прозвучал третий вопрос: "А можно ли притвориться интеллигентным человеком?" Ответ самому себе и всем нам был: "Нельзя". Лихачев был авторитетен и как гражданин, и как личность, и как великий ученый. Он был таким, каким нельзя притвориться.

Дефицит авторитетных людей есть всегда, более того, он должен быть. Основная задача таких людей - не поддаваться той дури, которая висит в воздухе. Мы хотим, чтобы все считали нас умными, поэтому время от времени от желания похвалы и популярности впадаем в эту дурь.

К тому же у нас какое-то лакейское отношение к власти. А власть - это просто люди, которые делают свое дело. Дворник - тоже власть, но во дворе, а регулировщик - на перекрестке. Каждый человек немножечко власть, и надо только знать свой участок власти, а не смотреть то и дело на Кремль и поругивать. Авторитет, заработанный на таком поругивании, я не признаю. Авторитет - человек влиятельный, властитель дум. Одно время я считал Солженицына таковым, в какой-то степени он им остается. Из тех, кто раньше был, - Толстой, Достоевский.

Максим Соколов, публицист:

- Авторитет Дмитрия Сергеевича Лихачева основывался на безукоризненной биографии, на том, что он пострадал при Сталине, на том, что плохих дел не делал, а, напротив, сделал очень много хорошего для русской культуры и как ученый, и как публичный деятель. Случаются такие уникальные совпадения факторов. Сегодня мы подобных авторитетов не наблюдаем. Это связано со многими обстоятельствами. Помимо того, что Дмитрий Сергеевич был действительно достойной личностью, немалую роль играло и уважение к

роли ученого мужа, академика. Но за прошедшие с тех пор годы авторитет науки упал на очень низкий уровень, и трудно ожидать, чтобы даже вполне достойный ученый мог бы стать общественно признанным авторитетом.

Если говорить о сферах художественно-творческих, то литература тоже находится в достаточно жалком состоянии и ее общественная роль существенно меньше, чем в советские времена. Принцип "поэт в России больше, чем поэт" уже не действует. Что касается каких-то иных сфер, откуда могут появиться авторитеты, то их, в общем-то, не так много. Авторитетом, возможно, мог бы быть какой-нибудь военачальник, желательно спасший Родину. Но за последнее время, с одной стороны, не было таких серьезных войн, чтобы можно было говорить о генерале, спасшем Родину. С другой, многие порядки в наших Вооруженных силах не способствуют появлению такого авторитетного генерала. Говорить об авторитетном бизнесмене тоже сложно, здесь слово "авторитет" будет скорее ассоциироваться с чем-то совсем другим.

Появятся ли у нас авторитеты? Когда в обществе возникает острый запрос на авторитетную фигуру, она появляется. Другой вопрос, является ли эта фигура подлинно авторитетной или только кажется таковой.

Дмитрий Быков, журналист:

- В современном, насквозь медийном обществе понятие авторитета стерлось. Одинаково авторитетен и тот, кто потратил полжизни на изучение проблемы, и тот, кого приглашают в ток-шоу: авторитетность заменилась степенью раскрученности. В нашем обществе не то чтобы наблюдался дефицит авторитетов как таковых, но прежде всего заметна страшная нехватка людей заслуженно авторитетных, то есть доказавших свое право вещать и советовать реальными заслугами и духовными подвигами.

Хотелось бы также, чтобы эта авторитетность была подкреплена интеллектом, а не только героическими деяниями: у нас в обществе очень не хватает умных людей, к которым бы прислушивались. Обычно духовный авторитет открывает рот - и оттуда в лучшем случае несется поток банальностей, а в худшем - такое, что хоть святых выноси. Между тем авторитет очень заинтересован в том, чтобы изрекать в основном банальности: иначе его живо развенчают. Властям совершенно не нужен авторитетный политик, мыслитель или писатель, который говорит объективно важные и правдивые вещи. Что касается Дмитрия Сергеевича Лихачева, не думаю, что в дни юбилея уместен подробный и вдумчивый анализ его личности, поскольку сам юбилейный повод исключает всякую объективность. Мне представляется, что в последние 20 лет своей жизни Дмитрий Сергеевич был государственным образцом интеллигента, фигурой статусной и символической. До реального академика и его научных заслуг никому не было дела, а тексты, которые он публиковал, исключая спонтанно наговоренное предисловие к первой публикации "Улисса", не содержали ничего нового, варьировали один и тот же набор бесспорных истин. Боюсь, Дмитрий Сергеевич воплощал собою тот тип интеллигента, который нужен власти: человека скромного, достойного, заботящегося, прежде всего о

выживании культуры, осеменяющего и облагораживающего власть своим авторитетом (без особенной, впрочем, надежды на успех). Нашей же культуре, как мне представляется, нужен сейчас, прежде всего внятный, острый и содержательный разговор о ее реальном состоянии. Подобную миссию осуществляют поэты Кушнер, Горбаневская; прозаики - Маканин, Иванов, Стругацкий, Успенский, Пелевин; критики и публицисты Разлогов, Москвина, Стишова, Дондурей, Аркус, Плахов. Они и есть духовные авторитеты сегодняшнего дня. Хотя бы потому, что пишу: а) честно и б) спорно.

Георгий Хазагеров, доктор филологических наук:

- Прежде всего, в Дмитрие Лихачеве мне симпатичен его научный пафос - пафос личности. Весь курс древнерусской литературы у него выстроен как постепенное пробуждение и утверждение личностного начала. И благодаря этому мы можем в своем культурном сознании связать древнерусскую литературу с русской классикой и оттуда перебросить мост в современность. Древнюю Русь часто вспоминают спекулятивно: для того чтобы отстоять свою концепцию, обращаются к этому периоду с расчетом, что его плохо знают и помнят и поэтому любая теория тут пройдет. А для Лихачева это был полнокровный и полноценный период, он его очень хорошо знал.

Хотя сам Лихачев очень критически отзывался о своем языке и о себе как о стилисте, но его язык можно рассматривать как образец не только научной прозы, но и вообще как образец для нас в ситуации, когда язык, к сожалению, становится антигуманитарным и антигуманным, наполняется техницизмами и технологизмами.

У нас не так много ученых (а среди филологов так вообще дефицит), которые состоялись как личности. А Дмитрий Сергеевич восполнял этот дефицит. Пока он был жив, всегда была надежда, что встанет и поправит. Он пережил все особенности советской эпохи и дожил до эпохи постсоветской, за ним был громадный опыт, неискривленный, осмысленный. В спорных случаях важно было знать, что по этому поводу сказал Лихачев. Что бы я у него хотел спросить сегодня: "Все ли так мрачно, Дмитрий Сергеевич, сегодня в культуре, которая, как нам кажется, разлезается, а вслед за нею разлезается и общественная ткань? Отстоим ли мы настоящую, непрофанированную русскую культуру и русский язык? И что нам сейчас делать, чтобы, в медицинском смысле слова, "реабилитировать" ее? Каких ориентиров держаться в образовательной политике - немецкой модели, американской или своего неиспользованного из глубоких тылов?"

ПАМЯТЬ

Шкатулка для правнуков

Телеканал "Культура", одним из инициаторов создания которого был Дмитрий Сергеевич Лихачев, 28-30 ноября показывает цикл фильмов "Крутые дороги Дмитрия Лихачева". Три части этой ленты повествуют о пребывании на Соловках, взаимоотношениях с властью и о том, каким

Дмитрий Сергеевич был в кругу семьи. Слово тем, для кого академик Лихачев был просто папой и дедушкой.

Вера Зилитинкевич, внучка, профессор Манчестерского университета:

- Общественная деятельность Дмитрия Сергеевича началась во время кампании Хрущева по закрытию церквей. Он никогда не был откровенным диссидентом, но очень часто совершал смелые поступки, на которые никто другой не решался. Это важно, учитывая, что он был арестован в возрасте 21 года и почти 5 лет провел в заключении. Если мы посмотрим на обычную биографию человека, который из довольно благополучной семьи попадает в лагерь, то увидим, что такие люди очень часто ломались. И смелость Дмитрия Сергеевича на этом фоне кажется особенно удивительной...

В день рождения дедушки его мама делала горячий шоколад. И мое первое воспоминание о нем связано с моими днями рождения - бабушка, Зинаида Александровна, всегда делала шоколад. И всегда, так же как, и на день рождения Дмитрия Сергеевича, пеклись пироги.

Мне мама моя всегда говорила, что со мной он был менее строг, чем с ней и с Верой, ее сестрой, когда они были маленькими. Они родились в 1937 году. Потом - война. Почти всю блокаду пробыли в Ленинграде. Потом - послевоенные годы, и с конца 40-х снова начинаются ужасающие проработки. А ведь если ты был один раз арестован, твои шансы снова быть арестованным страшно увеличивались. У меня такое ощущение, что та строгость, с которой он воспитывал дочерей, была связана с тем, что он ощущал внешний мир как страшный. И к жизни в этом мире надо быть подготовленным - иначе не выживешь нормальным человеком.

Сергей Михайлович Лихачев, племянник, инженер-полковник в отставке:

- Дмитрий Сергеевич был доволен своей личной жизнью. Он управлял семьей, конечно. Например, приходить домой надо было не позже 11 вечера - конечно, это касалось девочек. И если это правило не выполнялось, он реагировал довольно-таки бурно.

Зинаида Курбатова, внучка, журналист, художник:

- Дедушка с бабушкой прожили 63 года. И конечно, дедушка бы не состоялся, если бы рядом с ним не было такой жены, такого верного друга, соратника, человека, который всегда его вдохновлял, всегда ему внушал, что он самый лучший, самый красивый, самый талантливый. Что все враги отступят, все состоится, все произойдет так, как он задумал. Бабушка до последнего им восхищалась. Когда он уходил на работу, бабушка всегда на него смотрела и говорила, например: "Как подходит голубой костюм к голубым глазам!" Я даже пела песню: "На позицию девушка провожала бойца". И под это пение дедушка уходил в Пушкинский дом...

У нас всегда был очень четкий режим. Завтрак в определенное время, в час - обед, в четыре - чай, в семь - ужин. И если дедушка иногда усаживался за

стол за пять минут до обеда, а мы накрывали на стол, то мы говорили: "Дедушка, что ты уселся, еще без пяти!"...

После его смерти я обнаружила шкатулку. Когда ее открыла, увидела надпись, сделанную дедушкой (он все любил надписывать): "в семейный музей". Там лежали личные письма, записки, кошелек, на котором рукой дедушки написано "это кошелек, который передали мне в ДПЗ осенью 1928 года родители", английский словарь - "книга пробыла со мной весь срок в СЛОНе", осколок снаряда - "осколок попал в Институт русской литературы в 1941 году".

Людмила Лихачева, дочь:

- Почему он так много успел? Потому что он не тратил себя - у него была одна жена, одна семья. Мама была за ним как за каменной стеной. При нас, при маме он не мог оценить ни одной женщины. Он даже не мог сказать: у нее красивая фигура. Я этого себе даже не представляю.